
Станислав Лем
4

Путешествие двадцать шестое
Станислав Лем

Станислав Лем. Путешествие двадцать шестое

Станислав Лем
Путешествие двадцать шестое

Пятнадцать лет прошло с той минуты, как я покинул Землю, и меня все сильнее охватывала ностальгия; наконец я решил посетить родные края. Это решение я принял на Теропии, третьеразрядной планете в созвездии Кита. Но когда я оказался в космопорте, то увидел большую группу пассажиров, в угрюмом молчании изучающих объявление бюро космической навигации. Сводка сообщала о вторжении на ракетную трассу потока крупных метеоров. Ожидая улучшения погоды, я проводил дни в обществе товарищей по несчастью. Среди них был один молодой хвастун, рассказывавший всем, кому угодно было слушать, различные истории о планетах, на которых он якобы побывал. С первого взгляда я понял, что это обыкновенный врун, и, как только подвернулся случай, я разоблачил его ложь. Он имел наглость рассказывать в моем присутствии о мнимых обитателях планеты Борелии из созвездия Ориона; он утверждал, что там живут огромные, величиной с гору, чудовища, которых называют медогонами из-за необыкновенной медлительности их жизненных процессов, вызванной низкой температурой и обледенением планеты.

— Вообразите только, — восклицал этот

юнец, — что, когда в Египте правил Аменхотеп IV из фиванской династии, на Борелии встретились два медлона. Первый спросил: «Что слышно?» Потом были построены пирамиды, Александр Македонский завоевал Азию и дошел до Тихого океана, Греция была покорена Римом, образовалась Священная Римская империя, велись крестовые походы, ислам боролся с христианством, шли войны Алой и Белой роз, Тридцатилетняя война, Столетняя война… А второй медлон все еще не отвечал, и только когда Германия разбила Францию под Седаном, чудовище на Борелии ответило: «Ничего нового». Так невероятно медленно течет жизнь этих поразительных существ. Я могу сказать это с чистой совестью, так как сам их видел и изучал.

Тут мое терпение лопнуло.

— То, что вы нам рассказали, — заявил я холодно, — низкая ложь.

Став центром всеобщего внимания, я объяснил:

— Александр Македонский никогда не доходил до Тихого океана, ибо, как хорошо известно, он повернул назад в 325 году до нашей эры.

Послышались аплодисменты; с этой минуты лжец был окружен всеобщим презрением.

Среди пассажиров находился старик с вызывающей уважение внешностью; приблизившись ко мне, он выразил благодарность за мое энергичное выступление в защиту точности и правды, после чего представился как профессор Тарантога. Я безмерно обрадовался, что наконец-то счастливый случай свел нас. С этого момента и до конца пребывания на Теропии мы были неразлучны. В задушевных интересных беседах незаметно проходило время; профессор рассказывал мне о своем пребывании у горготов из системы Эридана, об исследовании длинков, необычайных организмов с Патрелузы, которые являются самыми болтливыми растениями во всем Космосе, показывал мне фотографии одолегов. Эти последние двигаются незнакомым в других местах способом, выворачивая при каждом шаге свое тело наизнанку. В свою очередь, я поделился с профессором сведениями, добытыми во время двухлетнего пребывания на Стредогенции. Ее обитатели хоронят своих покойников на небе. Уложив тело в гроб соответствующей формы, они выстреливают его с большой скоростью в пространство. Поэтому вся планета окружена роями летающих гробов, обращающихся вокруг нее, словно маленькие луны. Это небесное кладбище

сильно затрудняет ракетную навигацию.

В благодарность за информацию профессор вручил мне копию своего еще не опубликованного труда о планете Меопсера и обитающих на ней разумных существах муциохах. Он столько рассказывал мне об их необыкновенном сходстве с людьми, что у меня появилось горячее желание посетить Меопсеру. Некоторое время я колебался, памятуя о своем решении вернуться на Землю, но в конце концов исследователь победил во мне человека. Прогнозы бюро космической навигации как раз обещали отличную погоду, я сердечно простился с Тарантогой и начал готовиться к старту.

Запасшись всем необходимым, я купил в киоске около космопорта карту той части неба, где находится Меопсера. К сожалению, мне не удалось достать новой карты, и я приобрел подержанную. И надо же, такое невезение, в районе Меопсеры она была совершенно истрепанной, так как именно в этом месте проходил сгиб. Положившись на опыт, я провел по линейке самый короткий звездный курс, то есть прямую линию, и отправился в дорогу,

Путешествие должно было длиться довольно долго, и я взял на борт большое количество книг,

чтобы развлекаться чтением; это были произведения о науке и путешествиях, посвященные различным трансгалактическим экспедициям, теории космодромии, спортивной и прогулочной астронавтики и т.п. По мере чтения мое недовольство и претензии к авторам непрерывно увеличивались; наконец, возмущенный их недобросовестностью, многочисленными ошибками, извращениями, да что там, даже ложью, я решил радикально изменить это ужасное положение вещей и, действуя с присущей мне импульсивностью, немедленно принялся писать. Так родились настоящие дневники. Я писал четыре недели днем и ночью и, даже засыпая, не выпускал пера из руки. Я так углубился в эту работу, перед моими глазами вставали такие красочные пейзажи планет, такая живая толпа различных существ непрерывно окружала мой пюпитр, теснясь в нетерпеливом желании попасть на страницы рукописи, что я совсем забыл, где нахожусь и куда лечу.

Однажды ночью из короткого, но глубокого сна, в который я погрузился, опустив голову на кипу исписанных страниц, меня вывел сильный толчок. Я вскочил и подбежал к окну. Снаружи было совершенно темно. Я осмотрел ракету и,

убедившись, что она в полном порядке, пришел к выводу, что ее задел какой-нибудь, метеор. Спать мне больше не хотелось, и я вернулся к работе. Я писал несколько часов, пока не заметил, что в ракете становится все светлее. Я снова подошел к окну, и каково же было мое изумление, когда я увидел обширные поля, покрытые буйной растительностью, и над ними небо, румяное, рассветное. Без колебаний я открыл люк. Снаружи совсем рассвело, высоко в небе плыли облака, легкий ветерок шумел в кронах деревьев. Моя ракета с разгону зарылась до половины в мягкий песчаный холм; я сел на Меопсеру довольно неожиданно для самого себя. Улыбнувшись, я покачал головой по поводу собственной рассеянности, спрятал рукопись в шкафчик и покинул ракету, отправившись на поиски обитателей неизвестного мира.

Спустившись по отлогому склону, покрытому невысокой растительностью, я наткнулся на что-то вроде пряной как стрела широкой дороги. Я пошел по ней, наслаждаясь свежестью утра. Осматривая окрестности, я пришел к выводу, что Тарантога несколько преувеличивал: планета и вправду была похожа на Землю, но небо имела более бледное, не такое голубое. Да и облака,

как мне показалось, были не встречающейся на Земле формы.

Из-за поворота дороги вынырнуло какое-то существо. Когда мы приблизились друг к другу, я увидел, что своим внешним видом оно напоминает молодого мужчину: тут Тарантога был прав. Записав это наблюдение, я подошел к встреченному существу, слегка согнул колени, разведенными руками обвел круг, что является обычным приветствием в южных областях Галактики, и спросил, нахожусь ли я на Меопсере и имею ли удовольствие беседовать с муциохом. Существо; сначала широко открыло глаза, нотом отступило на два шага и ответило:

— Чего? Не понимаю.

Язык, на котором оно говорило, был мне знаком, но я не мог припомнить, в каких областях неба им пользуются, — вещь вполне понятная для человека, владеющего, как я, наречиями без малого трехсот галактических племен. Хотя я и не помнил, где употребляется этот язык, но мог на нем говорить. Я снова спросил, нахожусь ли я на Меопсере, и возобновил круговые движения руками, выражая этим свои дружеские чувства. На это существо сначала стало медленно пятиться, а потом вдруг повернулось и умчалось огромными

скачками; через мгновение оно исчезло.

«Какой пугливый экземпляр», — подумал я, сделал необходимые записи и двинулся дальше. Вскоре я встретил другое существо, значительно меньше первого и явно еще не достигшее зрелости; оно так же шло по дороге и, катя перед собой что-то вроде раскрашенного деревянного кольца, издавало громкие крики: очевидно, это было пение. Я задал ему тот же вопрос, что и первому, — оно — остановилось и ничего не ответило. Я повторил вопрос и приветственные жесты, тогда оно вдруг присело на корточки, всунуло мизинцы в ротовое отверстие, растянуло его до ушей, а остальными пальцами одновременно начало перебирать около лица, как бы играя на невидимом инструменте, потом вскочило и, громко крича: «Мэд! Мэд!», убежало. Слово «мэд», насколько я мог припомнить, означает что-то вроде помешанного; я записал, что на Меопсере сумасшедшие свободно передвигаются по общественным дорогам и предупреждают прохожих о своем состоянии криками, а затем снова пошел по дороге.

Несколькими километрами дальше, на берегу небольшого прудика, сидело существо в белой одежде, украшенной зелеными, голу-

быми, лиловыми и оранжевыми полосами, и приспособлением, похожим на удочку, ловило рыбу. Я осторожно приблизился к нему, стараясь движениями и всем своим обликом выражать дружеские чувства, и еще раз спросил, нахожусь ли я на Меопсере. Существо внимательно посмотрело на Меня и изрекло:

— Это еще что за шутки? Какая Меопсера? Это Мерка!

— Как? — спросил я.

Я не знал такой планеты.

— Мерка. Откуда ты взялся?

— Недавно приехал, — ответил я уклончиво. Я по опыту знаю, как недоверчиво иногда относятся к посторонним обитатели некоторых планет. — А ты кто? — спросил я, в свою очередь.

— Я? Я местный док.

Я сел рядом с этим существом и начал расспрашивать его о различных вещах.

Он говорил очень быстро и невнятно, и половины я не понимал, но все же выяснил, что планета, на которой я высадился, называется Мерка, что ее обитатели называют себя мерканцами; док — означало профессию, что-то вроде врача.

Это третье существо оказалось более любезным; за холмом стоял его экипаж, и оно предложи-

ло отвезти меня до ближайшего населенного пункта, на что я охотно согласился. По дороге док отвечал на мои вопросы, и я в общих чертах разобрался в господствующих на Мерке условиях. Мерканцы создали высокоразвитую цивилизацию; Мерку окружают многочисленные планеты, такие, как Чайна и Раша; между этой последней и Меркой отношения враждебные. Вскоре разговор закончился, так как мы доехали до населенного пункта. Здесь док подарил мне несколько денежных знаков, используемых на планете, и, уладив все формальности, посадил меня в железный экипаж, который ехал в столицу, называемую Нюок. В кабине экипажа уже находилось несколько существ. Одно из них, не очень молодой облысевший самец, сидело напротив меня. Этот самец всю дорогу непрерывно разговаривал, размахивал руками и брызгал на меня слюной; я это терпеливо переносил и внимательно прислушивался к разговору. Это было нелегко из-за невнятного произношения. Я улавливал только обрывки беседы, но все нее понял, что на Мерке живут существа разных цветов — черные, белые, красные и даже зеленые: об этим последнем факте я узнал из сообщения лысого самца.

— Что, мой компаньон? Да он же совсем зе-

леный.

Самец рассказывал, что утопает в роскоши, так как изобрел новый, очень сильный яд.

— Сжигать и топить зерно, — говорил он, — процедура довольно дорогая и хлопотная, а мое средство делает все за десять секунд: четверти стакана достаточно на шесть мешков зерна или овощей; побрызгали — и готово. Кто попробует съесть, сковырнется на месте.

Меня это так поразило, что я спросил, является ли у них уничтожение продуктов питания игрой или же народным обычаем?

Все посмотрели на меня, а самец, бурно размахивая руками, начал говорить так торопливо, что я ничего не понимал: он все время повторял слова «раша» и «пропаганда», причем задыхался и потел. Некоторое время все молчали, потом снова завязался разговор. В нем мелькнуло новое слово «эйбом». Его произносили с огромным уважением, и я догадался, что это какое-то их божество: они почитали его в образе колонны огня и дыма, спускающегося с неба. Их божество напоминало Иегову из Ветхого завета, и я сделал соответствующую запись, но потом они упомянули о человеческих жертвах, и я записал, что предметом их религиозного культа является

божество кровожадное и страшное, вроде вавилонского Ваала. Это меня серьезно обеспокоило, но я не подал вида.

Наконец за окном появились огромные, возносящиеся к небу башни; мы подъезжали к Нюоку. Станцию покрывала металлическая крыша, тысячи машин грохотали, шипели и свистели со всех сторон; настоящие реки мерканцев изливались из непрерывно подъезжающих экипажей и поспешно устремлялись к выходу. Я присоединился к ним: в давке меня непрерывно крутили и толкали. Улица, на которой я очутился, была заполнена мчащимися повозками и толпами пешеходов. Не успел я отойти от станции и трехсот шагов, как воздух разорвал пронзительный вой сирен, одновременно все мерканцы бросились бежать, крича: «Эйбом! Эйбом!» Экипажи остановились, зато посередине улицы с огромной скоростью проносились большие машины, раскрашенные красными и серебряными полосами; из машин извергался мощный голос, призывающий отдавать почести Эйбому, падая ниц. Это еще больше напомнило мне культ Ваала, этого страшного, полого внутри медного идола. Как известно, жрецы, спрятанные в нем, обращались к народу, требуя кровавых жертв.

Улица совершенно опустела. Растерявшись, охваченный самыми неприятными предчувствиями, я кинулся сначала в одну, потом в другую сторону. В нескольких сотнях шагов от меня на перекрестке остановился большой экипаж; четыре одетых в черное существа в масках выбросили на мостовую высокий металлический цилиндр и подожгли его содержимое. Из цилиндра вырвались клубы черного дыма, заволакивая все вокруг. Поняв, что это жрецы окуривают место, на которое, по их мнению, должен сойти Эйбом, я, боясь оскорбить их религиозные чувства, лег на живот и с беспокойством ожидал дальнейших событий. Немного погодя я услышал надрывный вой сирены. Рядом со мной остановилась длинная низкая повозка, из нее выскочили пятеро черных жрецов в масках. Самый высокий воскликнул:

— Очень хорошо, именно так и нужно лежать по инструкции!

Два других крепко схватили меня под руки и подняли, а четвертый прицепил мне на грудь маленький прямоугольник с какой-то надписью. Я попытался оказать сопротивление, тогда пятый жрец, который стоял в стороне и наблюдал всю эту сцену сквозь темные стекла маски, резко крикнул:

— Ты труп, ложись сейчас же!

— Я не труп, — воскликнул я испуганно.

— Не валяй дурака, немедленно ложись вот сюда, — орал жрец.

Он дал знак подчиненным, которые силой повалили меня и привязали к какой-то подставке из двух шестов и холстины. Понимая, что приближается мой смертный час, я защищался изо всех сил. Что-то хрустнуло, я почувствовал острую боль в руке и отказался от борьбы. Жрецы схватили подставку, подняли ее вместе со мной и впихнули внутрь экипажа. Некоторое время было тихо, затем я услышал поблизости крик, звуки борьбы: хватали новую жертву. Потом экипаж втолкнули и пристроили надо мной мерканца, связанного, как и я.

Старший жрец крикнул:

— Один труп, один живой с поражением третьей степени, триста метров от пункта ноль, едем.

Экипаж завыл и помчался с бешеной скоростью. Я не мог вымолвить ни слова, слезы навернулись у меня на глазах — погибнуть так трагично! Наконец я обратился к моему товарищу по несчастью, спрашивая, что с нами будет.

— А, чтоб они провалились, — ответил он. — Са-

мое меньшее полдня проволынят; нас ждет еще целая церемония: мытье, купание. Безобразие!

Я задрожал. Не было никаких сомнений: ацтеки точно так же поступали с предназначенными для жертвоприношения.

— А… очень будут нас мучить? — спросил я.

— Достаточно. Я уже второй раз влипаю в этом месяце, разрази их гром! Свобода, черт возьми!

То, что этот мерканец уже пережил одну жертвенную церемонию, немного приободрило меня. Я хотел узнать, что с нами будет, но боялся оскорбить его религиозные чувства и поэтому осторожно спросил, верующий ли он.

— Да, — ответил мерканец, — а что?

— Нет, ничего, — сказал я. — Я только хотел узнать, что означал этот обряд на улице.

Он долго не отвечал, а потом удивленно произнес:

— Вы что, с луны свалились? Наверное, приезжий, из провинции?

— Да, да, — ответил я. — Я из галактической провинции. Прибыл сюда недавно и не знаю ваших обычаев, прошу не обижаться на мой вопрос. Что, Эйбом — ваш бог, а мы предназначены в жертву?

Мерканец начал смеяться, но вдруг перестал и

громко выругался.

— А вы шутник, — сказал он. — Но это верно. Действительно, Эйбом наш бог, но нам его владычество уже боком выходит. Подумать только, — разозлился он, — именно меня должны были сцапать, и это уже второй раз. Каждую неделю это свинство, нельзя спокойно на улицу выйти, везде сирены, шум, паника, проверка документов — с ума ложно сойти. А в результате — страх все больше и больше. Ну вот, приехали.

За окном что-то мелькнуло, открылись большие ворота, и мы оказались во дворе огромного здания. Как только меня вынесли из экипажа, я закричал, что у меня вывихнута рука. Я питал некоторую надежду спастись таким образом от сожжения на костре: я помнил из истории, что племена варваров никогда не приносили в жертву больных. И действительно, через пять минут меня отвезли в темную комнату, где мной занялись три существа, одетые в белое с головы до ног. Я понял, что это жрецы божества, борющегося с Эйбомом, поскольку они сообщили, что не причинят мне зла. Выяснилось, что у меня сломана кость. Мне наложили повязку, и вскоре, умытый, остриженный наголо и намазанный каким-то маслом с сильным запахом, я лежал в

зале вместе с тридцатью мерканцами. Все ужасно ругались. Оказалось, что они попали сюда так же, как я. Одному сломали ключицу, другому ногу, третьего затоптали на лестнице подземной железной дороги. Один пожилой индивид все время вскакивал с кровати, крича, что оставил дома маленького ребенка и зажженный огонь, но ему не позволили уйти.

Потом подошло существо в белом, поправило мне подушку и заявило:

— Вы не расстраивайтесь, каждый раз у нас десятки таких случаев, самое меньшее. В прошлом месяце задавили насмерть трех старушек. Теперь вы можете спать, только сообщите мне адрес, куда прислать счет.

Не зная, что ответить, я отговорился головной болью. Оставшись один, я еще раз мысленно перебрал все необыкновенные приключения, пережитые мною за такое короткое время. Ничего подобного со мной не случалось ни на одной из тысячи планет, на которых я побывал. После обеда в зале внезапно появились десятка полтора рослых мерканцев. Они обступили крокати и начали расспрашивать нас о впечатлениях. Один из них, выяснив, что я чужеземец, заинтересовался мною. Мы стали задавать друг другу различные

вопросы. Только от него я узнал, что церемония, которую я принял за религиозный обряд, была всего лишь учебной атомной тревогой.

— Вы ведете войну с другой планетой? — спросил я.

— Нет.

— Так зачем же эти учения?

— Затем, что нам угрожают.

— А, понимаю, — я вспомнил слова дока. — Вам угрожает Раша, верно?

— Да.

— Плохо. И Раша создала это оружие, да?

— Нет, это мы его открыли.

— Вот как! — произнес я. — Но Раша вам угрожает? А вы не могли бы с ней как-нибудь договориться? Например, запретить использование этого оружия?

— Такое предложение уже было.

— Ну и что?

— Его отклонили.

— Понимаю, на него не согласилась Раша?

— Нет, это мы его отклонили.

— Почему?

— Потому что нам угрожают.

— Понимаю, — сказал я, поразмыслив. — Раша против кого-то использовала это оружие, и вы

боитесь, что теперь…

— Нет, это мы первые его использовали. Мы уничтожили два города джепов.

— Да? Но, наверное, теперь Раша угрожает, что использует его против вас?

— Нет. Она заявляет, что хочет мира.

— Мира?.. Это довольно странно… — сказал я. — Сейчас… А, понял: она говорит, что хочет мира, но одновременно проводит такие учебные противоатомные тревоги во всех городах, да?

— Нет, — ответил мерканец. — Я был там месяц назад. Они не устраивают никаких тревог.

— Не устраивают?

— Нет.

— Так зачем же вы устраиваете?

— Затем, что нам угрожают.

— Кто?

— Я ведь вам уже говорил. Нам угрожает Раша.

— Да?.. — произнес я. — Должен сказать, что совершенно ничего не понимаю. Очевидно, ваша логика совершенно отлична от земной.

Я заметил, что к нашему разговору уже довольно долго прислушивается какой-то низенький индивид, который при последних словах моего собеседника куда-то исчез. Когда все вышли, мерканец, лежащий на соседней кровати, сказал

мне:

— Вы неосторожны; таких вещей говорить нельзя. За это можно поплатиться.

Не успел я ответить, как в зал, громко топая, вошли четверо высоких мерканцев, одетых в темно-синие костюмы. Они приказали мне немедленно встать и идти за ними. Появилось белое существо и попробовало меня защитить, объясняя, что я болен и что у меня сломана рука, но это не помогло. Меня поспешно одели и отвели вниз, где уже ожидал большой черный экипаж.

Мы ехали очень быстро и через несколько минут были у цели. В здании, куда меня привели, царило страшное оживление. Через некоторое время меня впихнули в светлую комнату. За столом сидело трое мерканцев. Один из них, очевидно главный, потребовал у меня документы. Просмотрев их, он затрясся, ударил рукой по столу и крикнул:

— Вы мерканец?

— Нет, — ответил я, — я человек.

— Я тебе покажу насмешки, — рыкнул он, вскакивая. — Откуда ты здесь взялся?

— Приехал недавно…

— Приехал? Попался, голубчик! Признаешься?

— В чем?.. Что это значит? — воскликнул я.

— Не виляй, это тебе не поможет. Тебе атомная бомба не нравится, а? Шпионил в пользу Раши?

— Ничего подобного, — крикнул я. — Я даже не был никогда на этой планете…

— Говорят тебе, не прикидывайся психом, пожалеешь, — прорычал главный. — Что ты у нас искал, а?

— Я летел на Меопсеру, к муциохам, а поскольку карта была протерта, по ошибке попал сюда, на Мерку…

— Ты сволочь! — снова прорычал главный.

Потом он вдруг успокоился и сказал:

— Вот посидишь немного, и у тебя пропадет охота шутить. Ты же прекрасно знаешь, что ты вовсе не на какой ни на Мерке, а перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в Соединенных Штатах. Сначала ты критикуешь нашу внешнюю политику, а теперь прикидываешься невинненьким? Не беспокойся, ты у меня не так запоешь. Я и не таких видел.

В эту минуту у меня словно пелена с глаз упала. С момента встречи с первым существом меня мучило, что я никак не мог сообразить, какой именно язык мне напоминает диалект туземцев. Теперь у меня в голове прояснилось: ну, конечно, это был искаженный, изуродованный англий-

ский язык. Я пал жертвой ошибки, вызванной разницей в произношении: Мерка — ото была Америка, Раша — Россия, Чайна — Китай, джепы — японцы, Эйбом — атомная бомба, и так далее.

Волосы у меня встали дыбом: никогда я еще не попадал в такое трудное положение. Я чувствовал, что судьба моя будет незавидной, и не ошибся, ибо эти строки я пишу в следственной тюрьме Нью-Йорка, где нахожусь уже четвертый месяц. Боюсь, что путешествие на Меопсеру мне придется отложить на неопределенное время...